

КНИЖКИ ДЛЯ ШКОЛЬ.

№ 59.

ТУРКЕСТАНСКІЙ КРАЙ.

МОСКВА.

ТИПОГР. В. ГОТЬЕ, КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ, Д. ТОРЯВЦКАГО.

1872.

Дозволено цензурою. Москва, 19 Января 1872 г.

ТУРКЕСТАНЪ.

Киргизъ-Кайсаки, еще въ началѣ XVII столѣтія, владѣли Сыръ-Даріей, отъ впаденія ея въ Аральское море до самаго Туркестана и далѣе. Когда и кѣмъ былъ взятъ Туркестанъ, сдѣлавшійся столицею Киргизскихъ хаповъ, положительно неизвѣстно. Есть только достовѣрное свидѣтельство, что около 1630 г. имъ владѣлъ киргизскій ханъ Ишимъ; Ташкентомъ же владѣлъ ханъ Турсула; эти два хана поссорились между собою и Ишимъ убилъ Турсула, взялъ Ташкентъ и, вслѣдствіе этой по-

бѣды этотъ городъ оставался во власти Киргизовъ втеченіи цѣлаго почти столѣтія. Но въ 1723 году Джунгары, предводительствуемые Голданъ-Цыреномъ, напали на Киргизовъ и, послѣ нѣсколькихъ сильныхъ стычекъ, овладѣли не только Ташкентомъ, но и Туркестаномъ, изгнавъ изъ него перваго присягнувшаго Россіи хана Малой Орды, Абуль-Хаира. Недолго однако продолжалось торжество Джунгаровъ. Киргизы рѣшились, во чтобы то ни стало, вытѣснить ихъ и, вооружившись, двинулись подъ предводительствомъ Абуль-Хаира противъ Джунгаровъ. Послѣ многихъ сраженій Киргизы наконецъ превозмогли и заняли прежнія свои земли.

Въ 1730 году, Абуль-Хаиръ, вновь тѣснимый Джунгарами и тревожимый Башкирами и Калмыками, прислалъ нѣсколькихъ посланцевъ въ Россію съ просьбою о принятіи его, съ подвластнымъ ему народомъ, въ подданство этой державѣ. Предложеніе его было принято нашимъ правительствомъ и Императорская гра-

мота на принятіе Малой Орды въ подданство была вручена посланцамъ.

Вслѣдъ за Малою Ордою, въ 1734 году, признала русское подданство и Средняя Орда и, для упроченія власти нашей надъ новыми народами, перенесена русская военная граница далѣе на югъ.

Абуль-Хаиръ, присягая на подданство, обѣщаль: охранять Русскія границы, защищать купеческіе караваны при слѣдованіи ихъ черезъ степь, давая имъ въ случаѣ надобности вспомогательное войско, и наконецъ обязался платить ясакъ звѣриными шкурами. Въ замѣнъ этого, онъ просилъ утвердить въ его родѣ ханское достоинство на вѣчныя времена и построить, при сліяніи Ори съ Ураломъ, крѣпость для его защиты. Условія эти были приняты и съ нашей стороны исполнены. Но ханы, не имѣя большаго значенія въ народѣ и находясь подъ различнымъ вліяніемъ, вынуждены были не разъ грабить наши же границы. Для водворенія порядка русское пра-

вительство посылало отряды и захватывало атамановъ. Въ 1782 году, Екатерина II, для умиротворенія степи, рѣшилась принять болѣе кроткія мѣры. Съ этою цѣлью, она повелѣла учредить въ Оренбургѣ особое управленіе для Киргизовъ, уничтожила запрещеніе пропускать киргизскій скотъ на зиму въ предѣлы Россіи и назначила значительныя суммы для постройки мечетей, школъ и караванъ-сараевъ. Для разбирательства же дѣлъ между Киргизами и пограничными жителями учредила въ 1784 году особый пограничный судъ. Но и эти мѣры не имѣли никакого успѣха.

Въ это время Хивинцы начали вмѣшиваться въ дѣла Киргизовъ и, пользуясь ихъ неурядицами, не упустили случая ихъ пограбить. Слѣдованіе каравана по степи становилось опаснымъ. Въ то же время султанъ Букей, желая возвыситься и получить ханское достоинство, уговорилъ часть Киргизовъ перекочевать на правый берегъ Урала, вслѣдствіи чего онъ достигъ свою цѣль: въ 1812 году Букей

дѣйствительно. былъ назначенъ ханомъ этой вышедшей орды, названной Внутреннею или Букеевскою ордою.

Въ 1822 году между Киргизами независимыми и Киргизами, считавшимися нашими подданными, возгорѣлись войны и грабежи. Уводъ нашихъ людей съ линіи удесятился; особенно усилились разбои на Каспійскомъ морѣ, отъ которыхъ сильно терпѣли наши рыбопромышленники.

Наши караваны, хотя и сопровождаемые значительными отрядами, подвергались грабежу по прежнему. Такъ въ 1825 году, караванъ, подъ прикрытіемъ отряда, состоящаго изъ 625 человѣкъ, былъ атакованъ при переправѣ черезъ Яны-Дарью, враждебными намъ Киргизами, соединившимися съ Хивинцами. 13 дней караванъ отбивался, но наконецъ, побросавъ товары, долженъ былъ вернуться, понеся убытокъ на болѣе 500 тысячъ рублей. А увозъ плѣнныхъ съ линіи не прекращался. На Каспійскомъ морѣ ежегодно ловилось до 200 че-

ловѣкъ Русскихъ, которые продавались на рынкѣ въ Хивѣ.

Съ 1830 года на Оренбургскихъ Киргизовъ началось усиленное давленіе Хивинцевъ съ одной стороны и Коканцевъ съ другой, стремившихся подчинить ихъ своей власти, вслѣдствіи чего учрежденъ былъ четвертый округъ для Сыръ-Дарьинскихъ Киргизовъ, а въ видахъ обезпеченія нашей линіи раздѣлены были прилежающія къ ней земли Киргизовъ на *дистанціи* съ назначеніемъ въ каждую дистанцію особаго начальника изъ Киргизовъ. Этимъ путемъ достигалась возможность управлять постоянно *измѣняющимся* кочевымъ населеніемъ около нашихъ границъ.

Въ 1833 году, управленіе Оренбургскимъ краемъ возложено было на Перовскаго. Первая мѣра, принятая имъ, заключалась въ построеніи укрѣпленія на Каспійскомъ морѣ, другая—въ устройствѣ новой линіи. Постройкою укрѣпленія на Каспійскомъ морѣ имѣлось въ виду подчинить нашему вліянію самый безо-

койный родъ Киргизовъ—Одаевскій, уничтожить разбой и увозъ людей на Каспiю, обезпечивъ при этомъ нашихъ рыбопромышленниковъ, и упрочить наши торговыя сношенiя съ Азiею. Это укрѣпленiе названо было: *Ново-Александровскимъ*. Въ слѣдующемъ 1835 году, была устроена новая линiя возведенiемъ фортовъ: Императорскаго, Наслѣдника, Константиновскаго, Николаевскаго и Михайловскаго.

Но всѣ эти укрѣпленiя не обезпечивали наши границы отъ набѣговъ и грабежей и, въ 1836 году, полагаютъ, что число нашихъ плѣнныхъ доходило до 2000 человекъ, да вдвое, или втрое противъ этаго числа погибло при захватѣ, или отъ изнурительныхъ работъ во время неволи. Видя неудачу своихъ мѣръ, Перовскiй задумалъ завоевать Хиву, бывшую по его мнѣнiю главною виновницею всѣхъ неустройствъ въ Киргизскихъ степяхъ. Въ Хивѣ находился главный рынокъ невольниковъ, куда Киргизы сбывали русскихъ плѣнныхъ.

Хива подстрекала подвластныхъ намъ Киргизовъ къ возмущеніямъ, заманивая ихъ въ свое подданство, облагала ихъ податями и собирала пошлину съ нашихъ каравановъ, слѣдовавшихъ по степи. Наконецъ Хивинцы самовольно, безъ всякихъ обоюдныхъ договоровъ и сношеній, постановили правиломъ, чтобы наши торговые караваны, въ какія бы мѣста Средней Азіи не отправлялись, непременно слѣдовали-бы окольнымъ и неудобнымъ путемъ на самую Хиву, съ цѣлью взимать здѣсь пошлины и подати, возвышенныя ими до крайнихъ размѣровъ. Въ 1838 г. дерзость ихъ дошла до того, что въ Оренбургъ былъ присланъ Хивинскій *закетъ* (начальникъ таможеннаго сбора) для объявленія купцамъ русскимъ и бухарскимъ, что караваны ихъ неминуемо будутъ ограблены, если не пойдутъ черезъ Хиву.

Россія уже съ половины прошлаго столѣтія (съ 1767 г.) изыскивала средства къ прекращенію торговаго ея подданства; но всѣ ея къ тому мѣры были напрасны. Договоры и со-

глашенія не могли имѣть мѣста тамъ, гдѣ обманъ и вѣроломство лежатъ въ основѣ политической мудрости. Хива не обращала никакого вниманія на мирные договоры Россіи, и наше правительство должно было убѣдиться наконецъ, что желаемое соглашеніе съ Хивою достижимо только при посредствѣ оружія.

Сношенія Россіи съ Хивою начались съ 1670 г., а въ 1700 году прибывшій Хивинскій посланецъ вручилъ Петру Великому грамоту хана Шаніаза, въ которой онъ просилъ Царя принять его со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ въ подданство Россіи. Петръ Великій изъявилъ свое согласіе и подтвердилъ его впослѣдствіи, въ 1703 году, новому хану Хивинскому Аракъ-Ахмету.

Послѣ кончины Петра Великаго, Хива не разъ еще признавала надъ собою владычество Россіи. Такъ въ 1740 году призвала она къ себѣ и провозгласила ханомъ начальника подвластной уже намъ въ то время Малой Орды — Абулъ-Хаира. Принимая ханство, онъ обѣ-

явилъ его подданнымъ Россіи. «Благодарю Бога, говорилъ онъ въ собраніи Хивинскихъ старшинъ, бывшему при немъ Русскому поручику Гладышеву, что теперь Хива въ подданствѣ Е. И. Величества и что я въ ней Ханомъ».

Въ теченіи XVIII вѣка, было въ Хивѣ пять Хановъ изъ Русскихъ подданныхъ.

Въ 1819 году, знаменитый главнокомандующій на Кавказѣ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ отправилъ капитана Н. Н. Муравьева, получившаго въ послѣдствіи прозваніе *Карскаго*, для осмотра восточнаго берега Каспійскаго моря съ порученіемъ выбрать удобное мѣсто для постройки крѣпости, съ цѣлью сдѣлать её вмѣстѣ съ тѣмъ и складомъ товаровъ; а за тѣмъ въ Хиву, чтобы убѣдить тамошняго Хана направить торговлю на избранный пунктъ.

Одинъ, безъ всякой свиты и конвоя, только съ нѣсколькими Туркменами, отправился Муравьевъ въ Хиву. Небольшой караванъ, въ 17 верблюдовъ, потянулся по Туркменскимъ

стениямъ и на 18-й день прибылъ въ Ильгельди, небольшую крѣпость подъ Хивой, куда, по приказанію Хана, былъ провезенъ Муравьевъ высланными къ нему на встрѣчу Ханскими чиновниками. И тутъ, ни за что ни про что, по выраженію одного изъ повѣствователей того времени, Муравьевъ былъ продержанъ въ самомъ строгомъ заключеніи 48 дней.

Благодаря необыкновенному терпѣнію, твердой волѣ и не желанію ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ хана, входить въ сношенія по порученному ему дѣлу, Муравьевъ добился наконецъ личнаго свиданія съ нимъ. 17 ноября было назначено для вѣзда его въ Хиву. «Жители Ильгельди, пишетъ Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, привыкли ко мнѣ и всѣ провожали меня за ворота: старики, дѣвушки, женщины и дѣти, осталась одна только собака Койчи, вѣрный сторожъ и самый злой, къ которому я прежде подойти не могъ, но и та, при прощаніи, пришла и сѣла смиренно предо мной, среди окружавшихъ меня людей». 20

ноября Ханъ принялъ Муравьева. Приѣмъ не былъ продолжителенъ. Ханъ не согласился на сдѣланное ему предложеніе направить торговлю на Каспій, ссылаясь на пріязнь къ нему Прикаспійскихъ Туркменъ. Не помогъ и извѣстный отвѣтъ Муравьева: «тогда непріатели ваши будутъ наши». Впрочемъ Ханъ, по совѣту Муравьева, согласился послать своихъ двухъ чиновниковъ къ генералу Ермолову. Съ этими посланными и прежними спутниками Туркменами, Муравьевъ, вслѣдъ за этимъ, отправился обратно.

По возвращеніи изъ Хивы, Муравьевъ описалъ свое путешествіе, представивъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ плачевное состояніе Хивинскаго Ханства и особенно въ черныхъ краскахъ изобразивъ тягостное положеніе русскихъ плѣнныхъ.

Становилось ясно, что Россія, путемъ переговоровъ, ничего не добьется отъ Хивы; но наше правительство, занятое другими дѣлами, не имѣло времени употребить рѣшительныя

мѣры для обузданія Хивинскаго Ханства. Наконецъ только въ 1835 году Перовскому разрѣшено было снарядить экспедицію для похода противъ Хивы.

Въ 1836 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о задержаніи на нашей линіи, а также и въ Астрахани, всѣхъ хивинскихъ подданныхъ, съ тѣмъ, чтобы вынудить освобожденіе нашихъ плѣнныхъ у Хивы. Вслѣдствіе такого распоряженія, въ слѣдующемъ году, въ ноябрѣ, было возвращено хивинцами 25 чело­вѣкъ нашихъ плѣнныхъ, и то людей престарѣлыхъ, уже негодившихся имъ на работы. За освобожденіе этихъ плѣнныхъ, были возвращены нами 5 хивинцевъ и повторено требованіе Хану: возвратитъ *всѣхъ* русскихъ изъ неволн. Въ 1838 году прислано изъ Хивы еще 5 чело­вѣкъ русскихъ, и то не отъ Хана, а отъ одного купца, родственники котораго были задержаны въ Оренбургѣ. Хивинцамъ снова подтверждено было: возвратитъ *всѣхъ* русскихъ плѣнныхъ. Въ августѣ, 1839 года, въ Орен-

буртѣ появились Ханскіе посланцы, которые привели съ собою 80 человекъ Русскихъ.

Чтобы наконецъ избавить всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, была снаряжена, въ 1839 году, столь извѣстная военная экспедиція противъ Хивы, подъ личнымъ начальствомъ начальника края, генералъ-адъютанта Перовскаго. Цѣлю экспедиціи было смѣщеніе Хана, съ замѣной его преданнымъ намъ киргизскимъ султаномъ, освобожденіе русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ Хивѣ въ неволѣ и, наконецъ, улучшеніе торговыхъ сношеній. Самыя тщательныя приготовления къ экспедиціи дѣлались исподволь и были выведены на справку всѣ прежде-предпринимавшіеся походы въ степь.

Отрядъ выступилъ изъ Оренбурга 17 ноября, послѣ торжественнаго молебствія, напутсвоваемый благословеніями мѣстныхъ и окрестныхъ жителей, съѣхавшихся на проводы родныхъ и знакомыхъ, выступавшихъ въ такой далекій путь. Походъ этотъ могъ считаться безпримѣрнымъ: предстояло пройти 1,500 верстъ

зимой, по мѣстности бездорожной, отовсюду открытой и безпріютной. Зима же крѣпчала съ каждымъ днемъ. На 5-й день пути, термометръ показывалъ уже 29° мороза, а было потомъ и болѣе. Снѣгъ падалъ обильнѣе, чѣмъ когда либо, по мнѣнію самихъ киргизовъ. По временамъ вздымалъ его страшный буранъ и уже на первыхъ порахъ приходилось призадумываться надъ благополучнымъ исходомъ такого странствованія. Отрядъ же всё двигался и двигался впередъ, просыпаясь въ 3 часа ночи и подымаясь въ 6-ть съ мѣста въ путь. Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, онъ былъ уже на Эмбѣ, оставивъ за собою до 500 верстъ тяжелаго пути. Тутъ былъ назначенъ отдыхъ и здѣсь-же пришлось поближе взглянуть въ положеніе отряда. Оказалось, что годныхъ верблюдовъ осталось не болѣе $\frac{2}{3}$, почему всего остальнаго продовольствія поднять было невозможно, люди стали слабѣть и болѣть чаще, были также примѣры¹ ослушанія киргизъ и бѣгства ихъ съ верблюдами... Положеніе вообще

становилось тяжелымъ. сомнѣніе подкрадывалось, энергія слабѣла. Всѣ излишнія тяжести побросали тугъ же, сожгли сотни телѣгъ, все, что только могло затруднять дальнѣйшее слѣдованіе; также оставили часть провіанта. Затѣмъ, передовой отрядъ двинулся къ Акъ-Булаку. Выступилъ и осальной, по частямъ, встрѣчая на пути больныхъ, пересылавшихся изъ Акъ-Булака обратно на Эмбу, верблюды въ свою очередь продолжали болѣть и падать и къ приходу на Акъ-Булакъ выбыло ихъ еще до 2,000, при чемъ и всѣ остальные оказывались ненадежными для предстоявшаго пути. Была-ли же послѣ того какая либо возможность идти впередъ, когда для того, чтобы вернуться назадъ на Эмбу, къ нашему укрѣпленію, нужно было бросить на Акъ-Булакъ до 3,000 четвертей хлѣба и много другихъ тяжестей? Хорошо еще что было кое какое продовольствіе на Эмбѣ, да возможность получить его, со вскрытіемъ весны, на встрѣчу изъ Оренбурга, вмѣстѣ съ подъемными верб-

людьми. Такъ-то кончилась эта несчастная экспедиція *).

Но эти неудачи не остановили нашего правительства. Вскорѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе готовиться къ новому походу на Хиву. Дѣло принимало серьезный оборотъ и Хивинцы поняли, что надо смириться. Лѣтомъ, 1840 года, Хивинскій ханъ отпустилъ въ Россію всѣхъ, находившихся въ Хивѣ Русскихъ плѣнныхъ, человѣкъ до 500, и издалъ при томъ *фирманъ*, которымъ строго воспрещалъ всѣмъ подвластнымъ ему племенамъ, подъ опасеніемъ казни, производить на границахъ имперіи хищничества и грабежи, и держать въ неволѣ Русскихъ подданныхъ. Такимъ образомъ покорность Хивы примирила ее съ нашимъ правительствомъ.

Взамѣнъ пути на Хиву, Перовскій, для утвержденія нашего владычества въ Средней Азій,

*) М. П. Балкинъ, Этнографическія и Историческія матеріалы по Средней Азій.

предлагалъ распространять наши завоеванія вверхъ по Сырь-Дарьи на пуги къ Кокану.

«Уже въ средней части долины рѣки Сыра, заключалъ свою записку Перовскій, находятся горы обильныя лѣсомъ. Сверхъ того, есть историческія свидѣтельства, обнадеживающія въ присутствіи тамъ каменнаго угля. Плаваніе по Сырь-Дарьѣ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, не затруднительно на значительное протяженіе вверхъ по рѣкѣ. Среднюю и верхнюю часть долины ея занимаетъ одно владѣніе— *Коканъ*, между которымъ и Русскими поселеніями нѣтъ въ промежуткѣ другихъ самостоятельныхъ владѣній. Наконецъ ханство это, по благорастворенному климату своему, плодородію почвы и рѣдкому въ средней Азіи обилію водъ, издревлѣ славится какъ богатѣйшій участокъ Турана, лежитъ на прямомъ пути изъ Россіи въ Китайскій Туркестанъ, общающій, равно какъ Китайская Монголія, выгоднѣйшій сбытъ нашихъ продуктовъ, чѣмъ страны къ югу отъ Бухары расположенныя,

и можетъ быть легче другихъ сосѣднихъ владѣній подчинено нашему вліянію, ибо есть средства дѣйствовать на него, не изъ одного Аральскаго укрѣпленія, но и со стороны Западной Сибири.

«По этимъ соображеніямъ, кажется, очевидно, что съ постояннымъ занятіемъ устьевъ Сыръ-Дарьи, Хива утрачиваетъ для насъ прежнее свое значеніе; главную же важность пріобрѣтаетъ Коканъ».

Взгляды Перовскаго были Высочайшее одобрены и послѣдующія его дѣйствія, по управленію краемъ, служили осуществленіемъ этихъ взглядовъ, почему онъ вновь снарядилъ экспедицію для овладѣнія Акъ-Мечетью. Отрядъ, двинувшись вверхъ по Сыру, взялъ двѣ ничтожныя Коканскія крѣпости, но отъ Акъ-Мечети былъ отбитъ. Эта неудача не остановила Перовскаго. Въ слѣдующемъ 1853 году, онъ самъ пошелъ изъ Оренбурга съ большимъ отрядомъ и взялъ Акъ-Мечеть штурмомъ.

Еще во время движенія къ Акъ-Мечети

Перовскій приказалъ заложить укрѣпленія: одно при истокѣ изъ Сыра рукава Казалы и другое—при впаденіи въ него Бараузья; первое названо фортомъ №1-й, второе фортомъ №2-й и наконецъ еще занята нами, на Куванъ-Дарьѣ, крѣпосца Кумышъ-Курганъ и названа фортомъ №3-й, а на самомъ мѣстѣ Акъ-Мечети заложень фортъ Перовскій. Черезъ два года Рамское (Аральское) укрѣпленіе перенесено въ фортъ №1-й, и уничтожень фортъ №3-й.

Такимъ образомъ, мы заняли всё нижнее теченіе р. Сыра, унизавъ его своими укрѣпленіями.

Часть стени по Сыру сдѣлана независимою отъ пограничной комисіи и ввѣрена была управленію командующаго Сыръ-Дарьинскою линіею.

Коканцы сперва нападали на наши новые форты, но видя, что мы не порываемся идти дальше, успокоились. Хивинцы также прекратили свои нападенія и даже бросили на Куванъ-Дарьѣ свою единственную крѣпостцу Ходжи-Ніазъ.

За тѣмъ между крайнимъ укрѣпленіемъ Сибирской линіи и крайнимъ укрѣпленіемъ Оренбургской линіи, на пространствѣ 800 верстъ, оставалась незанятою нами граница, на которой не было ни одного укрѣпленія, ни одного поста. Такое состояніе границы чрезвычайно вредило нашей торговлѣ въ средней Азіи. Коканцы безпрестанно нападали на проходящіе купеческіе караваны и грабили аулы мирныхъ киргизовъ. Надобно было положить конецъ этимъ набѣгамъ и обезпечить торговлю.

Съ цѣлью соединить Сибирскую линію съ Оренбургской, весною 1864 года, посланъ изъ Западной Сибири небольшой отрядъ войскъ, а другой изъ форта Перовскаго. Отсюда выступилъ отрядъ 22 мая и 9 іюня утромъ пришелъ подъ Туркестанъ.

Осада продолжалась четверо сутокъ. Огонь не прекращался съ обѣихъ сторонъ и день и ночь. Коканцы дрались съ отчаянною храбростью. 12 числа утромъ отъ насъ стали стрѣлять въ крѣпость, намъ отвѣчали слабо,

а потомъ совершенно смолкли; къ 11 часамъ явилась депутація отъ города для сдачи его, а къ 2 часамъ войска наши вступили въ городъ.

22 сентября того-же 1864 года отрядъ генераль-маіора Черняева взялъ городъ Чемкентъ штурмомъ, а въ слѣдующемъ 1865 году, не смотря на незначительность нашихъ силъ, завладѣлъ *Ташкентомъ*—центромъ средне-азіатской торговли. Между тѣмъ, Бухарскій Эмиръ, желая воспользоваться смутами, которыя произошли въ Коканѣ, по случаю вторженія туда русскихъ войскъ и расширить свои владѣнія, во время осады Ташкента ввелъ въ него незначительный отрядъ своихъ войскъ и, по взятіи города, угрожалъ поднять на насъ всѣ магометанскіе народы Средней Азіи, если мы не очистимъ Ташкентъ. Генераль Черняевъ сначала не обращалъ никакого вниманія на угрозы Эмира, но когда тотъ, собравши изъ подвластныхъ ему народовъ огромное войско, вздумалъ занять *Ходжентъ*,

тогда онъ рѣшился послать къ нему трехъ чиновниковъ съ требованіемъ отказаться отъ завоевательныхъ плановъ. Эмиръ задержалъ нашихъ пословъ и, не вступая съ ними ни въ какіе переговоры, продолжалъ собирать войска. Когда-же выведенный изъ терпѣнія Черняевъ предпринялъ наступательныя дѣйствія, Эмиръ испугался и выразилъ желаніе исполнить наши требованія. Впрочемъ онъ во все не желалъ сдержать своего слова и хотѣлъ оттянуть только время; окончивши свои приготовленія, онъ сталъ наступать на Чемкентъ и Ташкентъ. Тогда, замѣнившій Черняева, генераль Романовскій перешелъ съ своимъ отрядомъ на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи и, остановившись у развалинъ Мурза Рабатъ, сталъ выжидать нападенія Бухарцевъ. Вскорѣ показались впереди развалинъ большія толпы всадниковъ. Это была кавалерія подвластныхъ Бухаріи Джузакскаго, Самаркандскаго и Ура-Тюбскаго бековъ (правителей); за войсками видѣлись безчисленныя стада

скота, собраннаго для Эмира, по случаю приближенія праздника *Байрама*. Генераль Романовскій выдвинулъ впередъ свою кавалерію и направилъ её на непріятеля. Бухарцы сначала храбро защищались, но сильный артиллерійскій огонь и молодецкія атаки казаковъ заставили ихъ дрогнуть и наконецъ бѣжать, оставивъ въ нашихъ рукахъ весь скотъ Эмира. Но этимъ дѣломъ непріязненные дѣйствія не кончились еще. Въ скоромъ времени произошла болѣе рѣшительная битва при *Ирджиръ*, среди превосходной мѣстности.

Дѣло началось въ 9 часовъ утра стычкой казаковъ съ бухарской конницею. Въ 12 часовъ явилась надобность открыть артиллерійскій огонь, а въ 5 часовъ пополудни наши войска шли уже штурмовать непріятельскіе окопы. Не прошло и получаса, какъ Русская пѣхота и конная артиллерія открыла изъ окоповъ сильный огонь, а кавалерія преслѣдовала толпы Бухарскихъ всадниковъ. Все поле было устлано трупами непріятелей. Ла-

геръ достался побѣдителямъ. Самъ Эмиръ бѣжалъ въ Самаркандъ. Генералъ Романовскій, воспользовавшись впечатлѣніемъ Ирджирскаго сраженія, двинулся впередъ и взялъ *Нау* и Ходжентъ, отрѣзавъ такимъ образомъ Бухару отъ Кокана. Эмиръ выдалъ нашихъ посланниковъ. Расположенный въ прекрасной мѣстности, огражденный горами отъ сѣверныхъ и южныхъ вѣтровъ, Ходжентъ представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ средне-азіатскихъ городовъ.

Прибывшій вскорѣ въ Туркестантскую область генералъ-адъютантъ Крыжановскій счелъ нужнымъ занять бухарскія крѣпости Ура-Тюбе и Джизака, лежащія въ проходахъ горъ, имѣя въ виду, во первыхъ, прочно утвердиться во всей долинѣ рѣки Сыра и, во вторыхъ, разобщить совершенно ханство бухарское отъ коканскаго, не давъ имъ возможности заключить союзъ для войны противъ Россіи.

Ура-Тюбе и Джизакъ были взяты: первый 2-го, а послѣдній 18-го октября 1866 года.

Таки́мъ образомъ, къ концу 1866 года, наши предѣлы распростирались далеко на югъ, до снѣжныхъ горъ Кошгаръ—Даванскаго хребта. Чтобы водворить порядокъ и дать новому краю болѣе соотвѣтственное его пространству и экономической важности положеніе, было рѣшено изъ прежней Туркестантской области съ присоединеніемъ части Семипалатинской области, образовать особый округъ, сдѣлавъ центромъ управленія его городъ Ташкентъ. Этотъ новый округъ, подъ названіемъ Туркестанскаго, открытъ въ іюль 1867 года. Онъ раздѣленъ на двѣ области: *Сыръ-Дарьинскую* съ областнымъ городомъ *Ташкентомъ* и *Семиръченскую* съ областнымъ городомъ *Върнымъ*.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Бауфманъ, назначенный главнымъ начальникомъ Туркестанскаго округа, искренно стремился къ водворенію мира съ сосѣдями. Коканскій ханъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ извѣдавшій силу русскаго оружія и потерявшій значитель-

ную часть своихъ владѣній, смирился и безпрекословно подписалъ мирный договоръ, предложенный ему генераломъ фонъ-Кауфманомъ.

Договоръ этотъ, заключенный 29 января 1868 года, состоитъ изъ слѣдующихъ пяти пунктовъ:

1) Всѣ города и селенія коканскаго ханства, безъ исключенія, будутъ открыты для русскихъ купцовъ, подобно тому, какъ и всѣ русскіе рынки доступны коканскимъ торговцамъ.

2) Русскимъ купцамъ будетъ дозволено имѣть въ коканскихъ городахъ, гдѣ сами пожелаютъ, свои караванъ-сарай, въ которыхъ бы они могли одни складывать свои товары. Тѣмъ же правомъ будутъ пользоваться коканскіе купцы въ русскихъ городахъ.

3) Для наблюденія за правильнымъ ходомъ торговли и за законнымъ взиманіемъ пошлины, предоставляется русскимъ купцамъ право имѣть, если пожелаютъ, во всѣхъ горо-

дахъ коканскаго ханства торговыхъ агентовъ (караванъ-башей). Право это предоставляется и коканскимъ купцамъ въ городахъ Туркестанскаго края.

4) Со всѣхъ товаровъ идущихъ изъ Русскихъ предѣловъ въ Коканъ, или оттуда въ Россію, (Европейскую и Азіатскую) будетъ взиматься столько же, сколько въ Туркестанскомъ краѣ, т. е. по два съ половиною процента со стоимости товаровъ, во всякомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ взимается съ мусульманъ, коканскихъ подданныхъ.

5). Русскимъ купцамъ съ ихъ караванами предоставляется свободный и безопасный проѣздъ черезъ коканскія земли въ сосѣднія съ Коканомъ владѣнія, точно также, какъ и коканскіе караваны пропускаются черезъ русскія земли.

Подобныя же условія требовались и отъ Бухарскаго эмира; но послѣдній не согласился на нихъ. Разгромъ при Ирджирѣ и потеря двухъ важныхъ крѣпостей Ура-Тюбе и

Джизака не вразумили эмира и не поколебали въ немъ рѣшимости попытать еще разъ счастья въ борьбѣ съ русскими. Въ продолженіи цѣлаго полугода, эмиръ оттягивалъ, подъ различными предлогами, подписаніе предложеннаго ему мирнаго обязательства. Узнавъ о предполагавшемся отъѣздѣ генерала Кюфмана въ Петербургъ, эмиръ задумалъ воспользоваться имъ, чтобы напасть на наши предѣлы и, при удачѣ, возвратить потерянное прежде. Но генераль-губернаторъ свою поѣздку въ Петербургъ откладывалъ въ ожиданіи присылки эмиромъ условій договора, утвержденныхъ печатью.

Между тѣмъ, въ половинѣ апрѣля 1868 года, эмиръ собиралъ уже многочисленное войско для войны съ русскими и отдѣльныя шайки бухарцевъ сдѣлали ночное нападеніе на пашъ лагерь при Ключевомъ (близъ Джизака). Генераль-губернаторъ, узнавъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ эмира, быстро двинулся съ отрядомъ на передовую линію, думая, что

сборъ нашихъ войскъ на границъ Бухары и готовность наша дѣйствовать оружіемъ образумять эмира и побудятъ его согласиться на миръ.

Бухарцы однако хитрили и оттягивали время, такъ что генераль Кауфманъ рѣшился положить конецъ проискамъ эмира.

Лучшая часть владѣній Эмира съ священнымъ для мусульманъ городомъ Самаркандомъ была завоевана и присоединена къ Русскому Государству. Кромѣ того Эмиръ обязался уплатить 500,000 рублей, и согласился на тѣ же договорные пункты, что и Коканъ. Присоединеніемъ 4-хъ бекствъ: Самаркандскаго, Катты-Курганскаго, Пенджикандскаго и Ургутскаго, достиглись тѣ выгоды, что мы приобрѣли самый благодатный уголокъ Средней Азіи и лучшую часть долины Міанкаль, и что наконецъ могущество Бухарскаго Эмира ослабилось безвозвратно, Эмиръ поставленъ относительно Россіи въ положеніе одинаковое съ тѣмъ, въ какомъ уже съ 1866 года находится Коканскій ханъ, т. е. чисто вассальное.

Туркестанъ представляетъ огромный бассейнъ, бывший некогда морскимъ дномъ и лежащій ниже уровня моря. Моря Каспійское и Аральское—только незначительные остатки этого древняго моря. Почва окружающей ихъ низменности песчана, глиниста, въ неорашаемыхъ мѣстахъ совершенно лишена растительности и сильно пропитана солью. Къ счастію впадающія въ Аральское море *Сырѣ-Дарья* и Аму-Дарья и многія другія степныя рѣки чрезвычайно оживляютъ и оплодотворяютъ эту пустыню. Такъ напримѣръ, побережье Заръавшана, (на которой построены Самаркандъ), на огромномъ протяженіи, представляетъ непрерывный рядъ садовъ, возлѣ которыхъ уступами разстилаются рисовыя, хлѣбныя и хлопковыя поля съ безпрерывными почти селеніями и городами.

Всѣ населенные пункты въ этомъ краю до того похожи одинъ на другой, что достаточно видѣть одинъ изъ нихъ, чтобы составить себѣ понятіе и обо всѣхъ остальныхъ:

Все различіе средне-азіатскаго города отъ деревни заключается въ томъ, что городъ по мусульманскому закону, долженъ быть обнесенъ одною общею стѣною, имѣть цитадель (*аркъ*) и заключать въ себѣ не менѣе трехъ мечетей, изъ которыхъ одна должна быть такой величины, чтобы могла помѣщать все народонаселеніе города. Она-то и служитъ для совершенія *Намаза-джумы*—(великаго омовенія) по пятницамъ.

Городскія стѣны и дома вездѣ лѣпятся изъ глины; дома плоски и приземисты: они состоятъ изъ одного или нѣсколькихъ четырехугольных дворовъ, обнесенныхъ строеніями. Жилыя помѣщенія по большей части одноэтажны; онѣ выходятъ на улицу заднею стороною, такъ что входъ въ дома всегда дѣлается со двора. Жилыя помѣщенія раздѣляются на двѣ половины: мужскую и женскую или *гаремъ*. Мебели нѣтъ. Убранство комнатъ составляютъ русскіе сундуки, покрываемые иногда коврами.

Стѣны внутри домовъ штукатурятся только

у богатыхъ. Въ стѣнахъ дѣлается множество нишей, изукрашиваемыхъ живописью.

Улицы въ городахъ неправильны и узки, такъ что туземный экипажъ—двухколесная *арба*—можетъ пройти только по главнымъ.

Лавки, чайни, цирюльни располагаются по обѣимъ сторонамъ большой улицы, которая идетъ отъ главныхъ воротъ въ середину города, на торговую площадь, называемую обыкновенно *чарсу*.

Черезъ городъ проходитъ основной каналъ, обсаженный аллеями. Этотъ каналъ питаетъ второстепенные каналы, которыя въ свою очередь развѣтвляются, проходя во дворы домовладѣльцевъ, гдѣ насыщаютъ сады и огороды.

Общій видъ населенныхъ пунктовъ весьма не привлекательный. Въ большихъ городахъ глазъ нѣсколько отдыхаетъ по крайней мѣрѣ на массѣ зелени, которою бываетъ залитъ городъ; но малые города и деревушки, будучи часто безъ зелени, походятъ вполне на задворки, либо загоны для скота въ селахъ Европейской Россіи.

Объ главныхъ городахъ завоеванной части мы возьмемъ описаніе очевидцевъ *)

«— Вотъ Ташкентъ, сказалъ ямщикъ, обращаясь ко мнѣ, когда мы начали спускаться съ горы.

Гдѣ Ташкентъ, подумалъ я;—тутъ ничего нѣтъ, кромѣ безконечнаго сада. Я сообщилъ ямщику мое недоразумѣніе, и онъ расхохотался.

— Въ садахъ-то и есть дома,—сказалъ онъ, и долго послѣ этого смѣялся.

«Дѣйствительно, каждому русскому показалось бы страннымъ встрѣтить садъ, которому нѣтъ конца-края, называющійся городомъ, безъ всякихъ слѣдовъ построекъ. Лѣсъ этотъ стоялъ величественно; ни одинъ листокъ не шевелился, потому что вѣтра совсѣмъ не было. Пока мы подъѣзжали къ нему, справа и слѣва открывались небольшія постройки съ пашнями, орошаемыми арыками, которые часто перебѣгали нашу дорогу. Вонъ направо небольшой домъ

*) П. И. Пашинъ. Туркестанскій край въ 1866 году.

и около него бахча, обведенная со всѣхъ сторонъ стѣною.

«Когда мы начали приближаться къ этому безконечному саду, стала проявляться жизнь. Изъ за стѣнъ, которые теперь стали видны, выступалъ огромнѣйшій караванъ и нѣсколько крытыхъ арбъ, въ которыхъ помѣщалась семья караванъ башей. Когда мы подъѣзжали къ стѣнамъ садовъ, намъ загородили дорогу ослы съ бревнами, натянутыми имъ на шею. Они выходили изъ какого то сада, откуда слышались между щебетаніемъ птичекъ удары топора; самые хозяева садовъ, заслыша колокольчикъ, подбѣгали къ стѣнамъ, чтобы поглазѣть на русскаго и на его экипажъ. Мѣстами выглядывали и женщины съ повязанными на головѣ платками, смуглыя лица ихъ чрезвычайно добродушно смотрѣли на меня. Съ ними лѣзли на стѣну также и ребяташки въ длинныхъ рубашкахъ и штанахъ...

«Чѣмъ дальше проѣзжалъ я, тѣмъ больше было народа на улицѣ; а сады, безконечные

сады, тянулись. Вотъ мы проѣхали уже *Чай-Ханъ*, гдѣ засѣдала масса народа. Нѣкоторые изъ нихъ встали засвидѣтельствовать мнѣ глубочайшее почтеніе словомъ «*аманъ*»; я имъ тоже отвѣчалъ аманомъ. Все было до оригинальности ново для меня. Мѣстами перебѣгали ручьи чрезъ дорогу; чрезъ нихъ были перекинуты мостики. Мы ѣхали тихо, почти шагомъ. Топотъ коней казаковъ не мѣшалъ слушать пѣніе весенняго соловья. Голубыя, зеленыя вороны перелетали съ дерева на дерево, множество птицъ совершенно неизвѣстной мнѣ породы, но не нашихъ, не русскихъ птицъ, выдѣлывали трели на широколиственныхъ тополяхъ, на высокомъ граціозномъ цинарѣ.

«Вотъ мы повернули въ улицу, и предъ нами предстали городскіе чемкендскіе ворота съ аистовыми гнѣздами на нихъ и съ длинноногими аистами, которые, забавно нагнувши голову внизъ, смотрѣли на проѣзжающихъ.

«Нужно замѣтить, что, въѣзжая въ ворота,

мы сдѣлали легкій подъемъ. Передъ нами открылись дома, смотрѣвшіе на улицу одною стѣною безъ оконъ. Семья, заслышавши колокольчикъ, выбѣгала на улицу изъ такого дома. Изъ за домовъ виднѣлись урюковыя и яблоновыя деревья; урюкомъ здѣсь называютъ абрикось.

«Улицы пошли, изгибаясь на право и на лѣво, съ своими неуклюжими домами. Ребятишки бѣгали по улицамъ полураздѣтые. Нѣкоторые изъ нихъ купались въ лужѣ направо отъ дороги, въ которой тутъ же Сарты. *) мыли своихъ лошадей...

«Потомъ мы выѣхали на базаръ. Небольшая площадь съ одной стороны имѣла училище, медресъ и мечеть, чрезвычайно изящно отдѣланную. Съ двухъ сторонъ мечеть эта не

*) Сарты, по всѣмъ вѣроятностямъ происходятъ отъ тѣхъ персидскихъ переселенцевъ, которые волею или неволею явились сюда во времена завоеваній эпохи Чингизъ-Хана, въ качествѣ ученыхъ, искусныхъ строителей, мастеровъ, учителей различнымъ ремесламъ и просто военнопленныхъ.

имѣла стѣну, а потолокъ поддерживался перилами и колоннами изъ дерева. Вся мечеть украшена мелкой работы цвѣтами и, гдѣ только можно было, помѣщались стихи изъ *Корана*.

«Такирды (студенты) сидѣли въ мечети и громко кричали урокъ; но когда слышали колокольчикъ, такъ всѣ побросали свои книги и стали смотрѣть, кто ѣдетъ. Передъ мечетью на площади была яма, въ которой стояли ослы. Съ остальныхъ трехъ сторонъ были лавки. Направо входъ на большой базаръ, сзади ворота караванъ-сарая и возлѣ нихъ чайная лавка, т. е. чай-ханъ, въ которомъ находились толпы народа, и дервишъ распѣвалъ передъ ними какую-то исторію; брыкая ногами и ударяя себя въ грудь кулакомъ. Налѣво были лавки со всякой мелочью и вздоромъ.

«Далѣе улица слегка подымалась въ гору.

«По временамъ встрѣчались сарты, сидѣвшіе у воротъ своего домика, старые и молодые. Вотъ мы въѣхали на такое мѣсто, гдѣ улица шире, такъ что встрѣтившіеся два эки-

пажа могутъ разѣхаться. Немного дальше находится медресь съ огромнѣйшимъ садомъ, въ которомъ собираются по вечерамъ Ташкентцы убивать время, и днемъ этотъ садъ служить мѣстомъ прогулки для туземныхъ жителей. Зданіе это имѣетъ почтенный видъ. Оно начинается башнею, потомъ тянется вдоль улицы стѣною въ два этажа и на углу на поворотѣ въ другую улицу имѣетъ опять башню...

«Но вотъ мы стали подъѣзжать къ цитадели. Тутъ дѣятельность уличная оживилась; пошли лавки и чай-ханы, въ которыхъ солдаты гурьбами уписывали здоровые пельмени, приготовленные сартами, пили брагу, продаваемую сартами весьма сходно, и лакомились собственною водочкою, принесенной съ собой изъ слободки. Цитадель отъ города отдѣляется рвомъ. Мѣсто отъ рва до лавокъ занимали возы съ клеверомъ и ячменемъ. Много верблюдовъ лежало на этой площади, важно поднимавшихъ голову и озиравшихся кругомъ своими любопытными глазами. На право отъ

цитадели съ шумомъ падала вода, а на лѣво тянулись лавки и построенныя между ними бани, которыхъ здѣсь довольно много.

«Я въѣхалъ на мостъ, который соединялъ цитадель съ городомъ; вѣроятно мостъ этотъ былъ построенъ русскими, на столько онъ опрятенъ. Ямщикъ ударилъ лошадей, и мы скрылись въ цитадель»...

(Объ Ура-Тюбе *) мы возьмемъ, (конечно вкратцѣ какъ и описаніе Ташкента), рассказъ одного изъ принимавшихъ участіе въ осадѣ этого города.

«... Я отправился въ городъ. Дорога, ведущая въ городскимъ воротамъ, была чрезвычайно дурна. Безъ всякаго почтенія праху своихъ отцовъ, Бухарцы проложили ее, не церемонясь, чрезъ могилы. По дорогѣ безпрестанно попадались какіе-то провалы или трещины. Городскіе ворота въ стѣнѣ, отдѣлявшей городъ отъ цитадели, были отворены, и про-

*) М. Зиновьева. Осада Ура-Тюбе и Джизава 1866 года.

ѣхавъ по деревянному мосту, перекинутому чрезъ ровъ, я безпрепятственно проникъ въ городъ. Я поѣхалъ по одной изъ улицъ, ведущей къ главной средней цитадели, гдѣ уже развѣвалось наше знамя. На встрѣчу мнѣ не попадалось ни одного живаго существа; только вдали слышались частые ружейные выстрѣлы. Видно было, что солдаты наши выгнали всѣхъ жителей изъ этой части города и, преслѣдуя ихъ, разсыпались по всему городу.

Улица, по которой я ѣхалъ, выходила на обширную площадь. Съ площади этой шелъ отлично вымощенный подъемъ на гору, увѣчанную цитаделью. Подходя къ ней, я нашелъ многихъ изъ нашихъ офицеровъ, которые, такъ же какъ и я, спѣшили въ Бекскій дворецъ. Онъ представлялъ небезынтересную картину, въ особенности въ настоящій моментъ его полного разгрома. Наскоро могъ я только пробѣжать его внутренность. Онъ показался мнѣ чрезвычайно великъ. Онъ построенъ на земляныхъ террасахъ, которые возвышаются одна

надъ другой, что производитъ впечатлѣніе, какъ будто дворецъ былъ въ нѣсколько этажей. Каждая такая терраса обстроена кругомъ, не рѣшаюсь сказать флигелями, а скажу *саклями*, и образуетъ внутренній дворъ. Дворъ этотъ окруженъ каменнымъ помостомъ съ небольшими лѣстницами. На помостъ выходятъ двери изъ окружающихъ дворъ саклей. Внутренность нѣкоторыхъ изъ этихъ саклей представляла роскошь невиданную мною доселѣ въ Средне-Азіатскихъ городахъ. Попадались весьма обширные, а главное, весьма высокіе, аршина четыре съ половиною вышиной залы, что большая рѣдкость въ Средней Азіи. Несмотря на мрачность этихъ залъ, неизбѣжную въ азіатскихъ зданіяхъ, по малому числу и оригинальному устройству оконъ, нельзя было не отдать справедливости замѣчательно красивой внутренней отдѣлкѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ комнатъ. Большая часть изъ нихъ имѣли стѣны, выложенныя эмалированнымъ разноцвѣтнымъ кирпичомъ, расположеннымъ по

весьма красивымъ, въ восточномъ вкусѣ, рирунгамъ.

«Я вышелъ на террасу, находившуюся на одномъ изъ самыхъ высокихъ пунктовъ дворца. Весь городъ лежалъ какъ на ладони, и отсюда казался не такимъ грязнымъ и старымъ, какимъ былъ въ дѣйствительности. Общій видъ города чрезвычайно скрашивали нѣсколько мечетей съ высокими минаретами. Минареты эти, какъ и вездѣ въ Средней Азiи, не имѣютъ вида колонны, какъ тѣ, которые мы видимъ на картинахъ, изображающихъ восточные города, здѣсь обыкновенно два минарета сводятся на верху въ стрѣльчатый куполъ, образуя такимъ образомъ ворота мечети.

Въ настоящую минуту городъ представлялъ оживленную картину. Но оригинально и странно было это оживленіе. По улицамъ видны были кучки бѣгущихъ сартовъ, муштинъ и женщинъ, и солдаты ихъ преслѣдующіе. Огоньки отъ выстрѣловъ блистали тамъ и сямъ. Со всѣхъ сторонъ раздавалось хлопаніе ру-

жей, сборъ давно уже протрубили, но не скоро можно было собрать разсыпавшихся по всему городу солдатъ, разгоряченныхъ побѣдою.....

Дня черезъ два послѣ штурма, Ура-Тюбе сталъ понемногу приходить въ порядокъ; жители вернулись въ городъ и поселились въ своихъ прежнихъ жилищахъ. Много, впрочемъ, домовъ оставалось пустыми. Многихъ изъ своихъ прежнихъ гражданъ городъ, конечно, не досчитался.

А между тѣмъ понемногу начала проявляться нормальная, будничная городская жизнь въ Ура-Тюбе. Открылись кое-какія лавки, началась мелкая торговля. Но что особенно замѣчательно, что, кажется, только и можетъ быть въ средней Азій, рѣшительно никакого непріязненнаго чувства не видать было со стороны только что возвратившихся жителей къ русскимъ. Толкаясь на улицахъ и по базарамъ, сарты встрѣчались съ нашими солдатами самымъ дружелюбнымъ образомъ, точ-

но какъ будто вѣкъ съ ними жили. Они хлопали другъ друга по рукамъ, трепали дружески по плечу и обмѣнивались названіемъ: «*тамыръ*» — слово, обозначающее пріятель, знакомый. Къ чести нашихъ солдатъ надлежитъ прибавить, что со времени возвращенія жителей въ городъ, случаи грабежа и вообще нанесенія обидъ туземцамъ были чрезвычайно рѣдки.

Такое замѣчательно быстрое установленіе пріязненныхъ отношеній между сартами и русскими поражаело меня еще въ Ташкентѣ, Ходжентѣ, городахъ столь недавно взятыхъ, изъ которыхъ первый всегда пользовался извѣстною самостоятельностью, вслѣдствіе чего его жителямъ, казалось бы, трудно было свыкнуться съ мыслью о покореніи роднаго города чужеземцами. И тамъ, встрѣчаясь съ русскими офицерами, Ташкентскіе жители или, по военному, *дѣлали подъ казырекъ*, что, скажемъ между прочимъ, очень мало шло къ ихъ халату и чалмѣ, или же привѣтствовали

словами: *аманъ-тура*. Въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ обширнаго Ташкента городскіе мальчишки привѣтливо обступали насъ и также повторяли *аманъ-тура*, или же просили милостыню, Христа ради. Слово это маленькіе мусульмане уже успѣли выучить.

Окрестности Ура-Тюбе верстъ на десять кругомъ населены весьма густо, конечно сравнительно. Вездѣ видишь деревни и обработанныя поля. Обиліе воды изумительное. Работы по орошенію полей, обыкновенно почитаемыя весьма тяжелыми, здѣсь не представляютъ почти никакихъ затрудненій, и въ этомъ именно обстоятельствѣ и кроется причина благосостоянія страны. Здѣсь арыковъ такъ много, и уровень воды въ нихъ такъ высокъ, что достаточно устроить самую легкую плотину на арыкѣ—просто поставить ногу поперекъ струи, и вода польется на пашню. Надобно при этомъ прибавить, что значительная часть этихъ арыковъ не выкопана человѣческими руками, а устроена самою природою. Здѣшніе

арыки не что иное, какъ безчисленное множество мелкихъ горныхъ рѣчекъ, образующихся отъ таянiя снѣга въ горныхъ хребтахъ. Самой легкой и простой работы достаточно, чтобы направить арыкъ по произволу на то или другое поле. Чѣмъ жарче лѣто, тѣмъ многоводнѣе арыки, такъ какъ въ жаркую погоду сильнѣе таетъ въ горахъ снѣгъ: замѣчательно благодатное стеченiе обстоятельствъ, доставляющее здѣшнимъ жителямъ предъ обитателями другихъ провинцiй огромное преимущество относительно простоты земледѣльческихъ работъ. Солнце и вода, между собой, стараются переспорить, кто изъ нихъ окажетъ большее благодѣянiе земледѣльцу».

«Самаркандъ, пишетъ г. Костенко *) я встрѣтилъ, какъ стараго знакомаго, который, надобно отдать ему справедливость, похорошелъ въ теченiе полугора года, съ тѣхъ поръ,

*) Л. О. Костенко: Путешествiе въ Бухару Русской Миссiи въ 1870 году.

когда я увидѣлъ его въ первый разъ. Городъ совершенно обновленъ. Главныя улицы проложены заново; онѣ сдѣланы прямыми, ровными, широкими, въ противоположность прежнимъ узкимъ, кривымъ и неровнымъ. Площади разчищены; старинныя зданія, — памятники минувшей эпохи, кое-гдѣ поисправлены стараніями русскихъ властей и будутъ поддерживаться и впередъ. Цитадель и русскія постройки внутри ея также приведены въ порядокъ.

«Въ числѣ полезныхъ учрежденій, основанныхъ русскими въ Самаркандѣ, слѣдуетъ упомянуть о больницѣ и школѣ для туземцевъ. Больница устроена въ одной изъ бывшихъ медресе и открыта въ мартѣ нынѣшняго года (1870 г.). Она находится въ азіатскомъ городѣ, вблизи цитадели. Зданіе весьма хорошее и вполне отвѣчаетъ своему назначенію. Сарты сперва неохотно поступали въ больницу, устроенную кафирами (невѣрными), но теперь начинаютъ постепенно сознавать всю ея пользу.

«Школа устроена также въ азіатскомъ городѣ; въ ней обучаетъ учитель, хорошо знающій и русскій и туземный языки.

«Каждый русскій, пріѣзжающій въ Самаркандъ, считаетъ долгомъ посѣтить еврейскій кварталъ, въ виду той пріязни, какая установилась между освобожденными евреями и ихъ освободителями—русскими. Этотъ уголокъ Самарканда производитъ на русскаго трогательное впечатлѣніе тѣмъ, что его встрѣчаютъ здѣсь съ живѣйшимъ чувствомъ радости. Обстановка жизни Самаркандскихъ евреевъ не на столько грязна, какъ это можно было бы предполагать по сравненію съ нашими западными евреями. Здѣсь, напротивъ, евреи живутъ даже чище сравнительно съ масульманскимъ населеніемъ, и отличаются весьма красивымъ типомъ.

«Я посѣтилъ еврейскаго старшину, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главное духовное лицо—*«калентарь»*, что отвѣчаетъ извѣстному въ Европейской Россіи слову *«равинъ»*. Затѣмъ

я отправился осматривать еврейскую синагогу, которая здѣсь именуется «*кинеса*». Въ одномъ дворѣ расположены двѣ синагоги, отличающіяся простотою постройки и чистотою, въ какой онѣ содержатся. Тутъ же и школа для мальчиковъ.

«Городъ Самаркандъ, какъ и всѣ недавно занятые большіе города Средней Азіи, состоитъ изъ двухъ главныхъ частей, существенно различныхъ: туземнаго города и русскаго. Послѣдній возникъ въ стѣнахъ Самаркандской цитадели, откуда начинается, впрочемъ, распространяться, уже не стѣсняясь крѣпостною оградой.

«Въ Азіатскомъ Самаркандѣ считается 6,000 домовъ. Городъ раздѣляется на кварталы или приходы (*макамы*), которые называются именами своихъ мечетей. Ихъ считаютъ до 165. *Медресе* или высшихъ училищъ 24; въ нихъ живетъ (*въ келіяхъ*) 938 учениковъ. Кромѣ учениковъ, живущихъ при медресе, значительное число ихъ приходитъ туда для слушанія лекцій.

«Караванъ-Сараевъ въ городѣ 33, изъ числа которыхъ 9 Индѣйскихъ. Караванъ-Сараи суть крытыя зданія для оптоваго склада товаровъ, здѣсь устраиваются и лавки для товаровъ, и комнаты для купцовъ.

«Базарныхъ помѣщеній 19; въ нихъ устроены или лавки, или навѣсы, или вѣсы, съ которыхъ производится продажа продуктовъ.

«Въ Русскомъ Самаркандѣ насчитывается, въ настоящее время, 158 домовъ. Русское населеніе за малымъ исключеніемъ состоитъ изъ военно-служащихъ, число которыхъ доходитъ до 4,000 человѣкъ.

«Окрестности Самарканда славятся своими садами; здѣшніе сады, по преимуществу, засажены *тутомъ* (шелковицею), карагачемъ и фруктовыми деревьями. Виноградъ здѣсь замѣчателенъ своею растительною силою: онъ нерѣдко достигаетъ древовидной формы и встрѣчается въ нѣсколько сажень высоты. Доброта качества самаркандскаго винограда также испытана. Вино, которое приготавливаютъ

здѣсь два русскіе винодѣльца, обращаетъ на себя вниманіе своимъ достоинствомъ и дешевизною.

«За день до отъѣзда изъ Самарканда, я вмѣстѣ съ другими моими сотоварищами по путешествію былъ приглашенъ въ гости, на вечеръ къ самаркандскому *Казы*. По взятіи русскими Самарканда въ 1868 году, болѣе вліятельныя лица, въ томъ числѣ и *Казы*—(судьи) бѣжали въ Бухару, либо въ Хиву. На мѣсто бѣжавшихъ, по приказанію русскихъ властей, были выбраны новыя должностныя лица, причемъ число этихъ новыхъ туземныхъ властей было значительно сокращено. Вмѣсто нѣсколькихъ судей избранъ былъ только одинъ, котораго значеніе, по этому, должно было сдѣлаться гораздо больше.

«Домъ свой *Казы* отстроилъ съ притязаніями на европейскій ладъ. Столы, табуреты, обитые красивымъ сукномъ, и нѣчто въ родѣ креселъ—составляютъ обстановку гостинной, стѣны которой, впрочемъ, испещрены цвѣтами,

нарисованными уже совершенно въ сартовскомъ вкусѣ, т. е. безъ всякой перспективы. Потолокъ украшенъ рѣзною работою, полъ устланъ коврами.

«Войдя въ комнату, мы нашли столъ уже убраннмъ *«досторханомъ»*, т. е. разными сластями, между ними красовались и русскія вины.

«Усѣвшись вокругъ стола, мы начали вести разговоръ съ хозяиномъ.

«На вопросъ: «какъ его здоровье»? онъ отвѣчалъ слѣдующею вычурною фразою:

— Сегодня я былъ боленъ; но встрѣтивъ своихъ гостей, я почувствовалъ, что началъ расти, и теперь мнѣ кажется, будто я своею головою достигаю неба.

— Пускай небо изольетъ на твою почтенную голову свои щедроты, пожелалъ ему полковникъ Н. *, старшій изъ насъ.

«Поглаживаніе бороды и глубокій поклонъ со стороны Казы были отвѣтомъ на наше пожеланіе.

«Бесѣдуя съ нами между прочимъ сказалъ онъ намъ: я вполне постигаю преимущество новаго передъ прежнимъ. Народъ уже не обремененъ такими большими налогами, ему стало легче, онъ богатѣетъ. Примѣръ можете видѣть на мнѣ. При Бухарскомъ владычествѣ ни одинъ Казы не могъ бы разбогатѣть такъ, какъ я. Домъ мой сдѣлался полонъ, какъ чаша. Я построилъ нѣсколько лавокъ, въ которыхъ продаются мои товары; построилъ баню, стоившую мнѣ 6,000 рублей на русскія деньги. А почему? — потому, что деньги, получаемыя за мои труды и познанія, я не отдаю, въ видѣ подарковъ, правительственнымъ лицамъ, какъ то дѣлывалось прежде. Наоборотъ теперь правительственные лица дарятъ и поощряютъ меня въ исполненіи моихъ обязанностей. Позапрошлый годъ генералъ-губернаторъ подарилъ мнѣ золотые часы, въ прошломъ году — халатъ; въ нынѣшнемъ году я получилъ также халатъ, У русскихъ выходитъ наоборотъ: начальствующія лица награждаютъ своихъ подчинен-

ныхъ, а не подчиненные даютъ подарки старшимъ, какъ было прежде у насъ».

Русскіе поселенцы въ фортахъ и укрѣпленіяхъ избѣгаютъ заниматься хлѣбопашествомъ; они находятъ способы болѣе легкіе заработать себѣ деньги. Впрочемъ и сами туземцы прибѣгаютъ къ хлѣбопашеству только въ крайности, предпочитая заниматься садоводствомъ и огородничествомъ, которыя приносятъ гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ хлѣбопашество. Всякій изъ туземцевъ, кто только можетъ обзавестись садомъ, не приминетъ воспользоваться этимъ: сады составляютъ гордость, щегольство и мѣру богатства владѣтелей.

Сады обносятся глиняною стѣною, вдоль которой обыкновенно садятся разнаго рода деревья, защищающія фруктовые отъ вреднаго вліянія холодныхъ вѣтровъ. Въ срединѣ сада вырывается прудъ, соединяемый небольшими канавами съ разными частями сада. Фруктовые деревья разсаживаются въ рядъ, сообразно направленію канавъ, наполняющихъ ихъ.

Къ фруктовымъ деревьямъ и кустарникамъ принадлежатъ: виноградники, урюкъ, персики, гранаты, смоковницы, тутъ, яблоки, груши, сливы, вишни, и т. д.

Виноградъ въ Средней Азiи имѣетъ множество породъ; ихъ насчитываютъ до 20 сортовъ. Шелковица двухъ родовъ: бѣлая и черная.

Система воздѣлыванiя огородовъ совсѣмъ другая, чѣмъ въ Европѣ. Здѣсь не знаютъ грядъ и разсады; землю боронятъ, послѣ чего засѣваютъ сѣянiями, и за тѣмъ время отъ времени поливаютъ водой. Изъ овощей воздѣлываются: дыни, арбузы, огурцы, свекла, морковь, рѣдька, лукъ, бобы, кукуруза и изрѣдка капуста.

Изъ фабричныхъ растенiй засѣваютъ хлопчатую бумагу и табакъ. Воздѣлыванiе хлопчатника очень распространено: хлопчатая бумага составляетъ главнѣйшую отрасль среднеазиатской промышленности и самую видную статью отпуска въ Россiю.

Во всей Средней Азiи извѣстенъ только

одинъ видъ хлопчатника—это однолѣтнее травянистое растеніе, высотой около $1\frac{1}{2}$ аршина, съ небольшимъ желтенькимъ цвѣткомъ. Почву любить жесткую, каменистую, притомъ рыхлую, открытую для сырыхъ южныхъ вѣтровъ. Землю вспахиваютъ раннею весною раза три, вершка на 4 глубины, и оставляютъ ее такимъ образомъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей до конца апрѣля.

Тогда готовятъ зубчатые грядки и напускаютъ между ними воду. Сѣмяна сажаютъ не болѣе какъ на два вершка выше уровня воды въ углубленные ямки, по 5 и 6 зеренъ въ каждую. На сороковую десятину высѣвается 8 пудовъ. Согретый грунтъ и искусственная влага способствуютъ быстрому всходу растеній. Изъ всѣхъ всходовъ въ каждой ямкѣ оставляютъ только два или три самыхъ сильныхъ, а другіе уничтожаются. Въ то же время разрыхляютъ мотыгой грунтъ, освѣвшій отъ напусканія воды. Эта обработка плантаціи приноситъ двоякую пользу: во 1-хъ) разрыхле-

нѣмъ земли облегчается доступъ къ корнямъ воздуха и тепла, и во 2-хъ) уничтожаются всходы сорныхъ травъ.

Молодые растенія быстро затѣняютъ свои корни. Передъ цвѣтомъ еще разъ орошаютъ и разрыхляютъ землю, затѣмъ хлопчатникъ предоставляютъ самому себѣ, и уже никакой заботы не прилагаютъ. Въ сентябрѣ слегка растрескиваются первые коробочки, при чемъ туземцы начинаютъ первый сборъ, не смотря на то, что хлопокъ еще окончательно не вызрѣлъ. Лучшій сборъ былъ бы въ октябрѣ. По сборѣ хлопчатника его *сортируютъ* въ коробочкахъ, т. е. отбрасываютъ недозрѣвшій, зеленый и мертвый хлопокъ.

Затѣмъ отдѣляются коробочки. Эта операція требуетъ довольно рукъ и времени.

Въ Ташкентѣ пудъ неочищенного хлопка стоитъ отъ 80 коп. до 1 руб. 40 коп. Очищенный же хлопокъ стоитъ отъ 4 руб. 75 коп. до 6 руб. 50 коп.

Несовершенства туземнаго ухода за хлоп-

чатникомъ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) недостаточное знаніе свойствъ почвы, необходимой для хлопчатника, 2) неправильный и недостаточный уходъ за стеблемъ; 3) преждевременность сбора, вслѣдствіе чего сѣмяна трудно отдѣляются отъ волокна, при очисткѣ раздавливаются и грязнятъ его.

Вслѣдствіе плохаго ухода за хлопчатникомъ растеніе выходитъ очень несовершеннымъ, какъ бы дикимъ. Коробки едва растрескиваются, такъ что отдѣленіе ихъ требуетъ, какъ сказано, много времени и рукъ. Самое волокно коротко, грубо и не прочно.

Недостатки туземнаго хлопка исправляются засѣваніемъ хлопчатника американскаго. Съ прибытіемъ русскихъ сдѣланы опыты въ Ташкентѣ, въ Ходжентѣ и въ Самаркандѣ относительно приуроченія американскаго хлопка. Эти опыты дали весьма утѣшительные результаты, и есть надежды, что воздѣлыванію хлопка въ Средней Азіи предстоитъ богатая будущность.

Скотоводство здѣсь гораздо болѣе распространено, чѣмъ земледѣліе. Кочевники, составляющіе большую часть населенія Туркестана, почти исключительно занимаются воспитаніемъ или правильнѣе размноженіемъ скота.

Овцеводству принадлежитъ здѣсь первое мѣсто. Оно составляетъ главнѣйшій источникъ существованія туземцевъ. Стада овецъ бываютъ часто до того многочисленны, что владельцы ихъ не знаютъ имъ счета.

Лучшія породы лошадей здѣсь *Туркменскія*, иначе называемыя *армаками*, онѣ извѣстны въ Азіи не менѣе арабскихъ, отъ которыхъ онѣ происходятъ, заслуженная извѣстность ихъ проистекаетъ отъ того ухода и заботъ, которыми окружаютъ ихъ туркмены. Туркмены кормятъ своихъ лошадей сухимъ фуражемъ, хлѣбомъ, поятъ иногда молокомъ и держатъ постоянно покрытыми толстыми и теплыми покрывалами, что придаетъ необыкновенную мягкость и лоснистость ихъ шерсти. За то лошади привязываются къ своимъ хозяевамъ подобно собакамъ.

Аргамаки отличаются стройностью и статностью, они высоки, имѣютъ маленькую голову и большіе глаза, прекрасную ногу и копыта; уши только велики и нѣсколько узковаты. Они отличаются необыкновенною быстротою скачки. Шагъ ихъ чрезвычайно ровенъ и лошадь не знаетъ, что значить спотыкаться. Но дальнихъ переходовъ она не выдерживаетъ, особенно при недостаткахъ и лишеніяхъ.

Другая порода лошадей есть *узбекская*. Эта порода нѣсколько менѣе ростомъ предыдущей, и хотя много уступаетъ ей въ красотѣ, въ особенности, что касается тонины ногъ, но за то превосходитъ ее силою.

Третья порода — *киргизская*. Эта порода находится въ полудикомъ состояніи. Она малоросла и некрасива, отличаясь толстою головою, длинною гривой и тяжелыми ногами. Она не отличается быстротою скачки, но переноситъ труды съ особенною легкостью, будучи въ состояніи пробѣжать огромное пространство безъ корма, воды и отдыха.

Кромѣ этихъ трехъ породъ лошадей существуетъ еще много смѣшанныхъ.

Верблюды въ Средней Азіи двухъ видовъ: двугорбые и одногорбые (дромадеры или нары). Одногорбый верблюдъ труднѣе выносить морозы и потому онъ держится болѣе южныхъ странъ.

Разведение ословъ также здѣсь очень распространено, но только между осѣдлымъ народомъ. Здѣшніе ослы составляютъ особую породу, отличающуюся малымъ ростомъ и силою. Называются они *ишаками*. Эти ишаки употребляются не только для верховой ѣзды людьми, не имѣющими возможности завести себѣ верховыхъ лошадей, но и для перевозки нѣкоторыхъ предметовъ внутренней торговли изъ деревень на городскіе и сельскіе базары. Лучшіе ишаки бѣлые.

Рогатый скотъ разводится весьма въ небольшомъ количествѣ. Онъ ничѣмъ не отличается отъ малороссійской (черкасской) породы, только мельче и тоще, вслѣдствіе полного пренебреженія къ уходу за нимъ.

Жители Средней Азии страстно любят охоту, но ловлею зверей и рыбъ ради промысла занимаются только бѣднѣйшіе. Въ Туркестанѣ водится довольно разнаго звѣря; въ камышахъ Сыра (между фортомъ Перовскій и фортомъ №2), и Аму обитаютъ тигры, барсы и кабаны; медвѣди водятся въ горахъ. Около горъ также водятся и буйволы; на рѣкахъ и озерахъ — бобры; въ степяхъ волки и лисицы. Кромѣ того тутъ множество куницъ, зайцевъ, дикихъ козъ и проч. Изъ птицъ водятся фазаны, дикіе гуси и утки, лебеди, куропатки, рябчики и проч.

Рѣки, озера и моря Средней Азии переполнены разною рыбою, такъ что рыболовство могло бы быть очень выгодною статью промышленности; но туземцы занимаются имъ только для собственнаго потребленія, въ видѣ же промысла рыболовство здѣсь стало водворяться только русскими.

Характеръ промышленности здѣшняго края чисто сельскій; всѣ издѣлія производятся руч-

нымъ способомъ, почему находятся на самой первобытной ступени, и только весьма немногіе предметы обработки достигли нѣкотораго искусства. Хлопокъ и издѣлія изъ него составляютъ наиболѣе широкую отрасль мануфактурной промышленности среднеазіатцевъ. Эта отрасль занимаетъ наибольшее число рукъ и она же самая выгодная статья сбыта въ Россію.

Лучшій хлопокъ — сырецъ въ Средней Азіи бухарскій: онъ отличается нѣжностію и бѣлизною и кромѣ того большею тщательностію очистки. Затѣмъ слѣдуетъ хивинскій, отличающійся сравнительно большею длиннотою волокна; потомъ коканскій и наконецъ всѣхъ хуже ташкентскій.

Изъ некрашенныхъ нитокъ готовится бѣлая ткань, въ родѣ холста, называемая *бязью*. Ее употребляютъ на шитье бѣлья, а также на подкладку халатовъ. Дѣлается еще изъ нитокъ кисея въ родѣ нашей марли.

Изъ крашенныхъ нитокъ готовятся

различнаго вида матеріи гладкія и полосатыя; они вообще очень грубы и самаго низкаго сорта.

Бѣдное населеніе одѣвается въ халаты изъ туземныхъ матерій. Сколько нибудь зажиточные носятъ халаты изъ русскихъ ситцевъ, подбивая ихъ туземною бязью или выбойкою. На головѣ носятъ *тюбетейки*—шапочки, сдѣланные изъ русскаго ситца, либо изъ своихъ матерій. Сверхъ тюбетейкъ наворачиваются на голову *чалмы*, которыя составляютъ предметъ гордости и щегольства правовѣрныхъ. Бѣдное населеніе носитъ чалмы изъ своей кисеи, а болѣе достаточное изъ англійской.

Кушаки, служащіе для опоясыванія халатовъ, приготавливаются на мѣстѣ и привозятся изъ Россіи.

Чисто шелковыя матеріи носятъ названіе *шаи*, они имѣютъ видъ канаусовъ. Полушелковыя бываютъ различныхъ видовъ. Изъ этихъ матерій изготовляются: халаты, одѣяла, платки.

Съ занятіемъ Ташкента, Ходжента и Самар-

канда, туземныя шелковыя матеріи стали замѣтно распространяться между русскими. Мужчины дѣлають себѣ цвѣтныя рубашки, а женщины платья.

Здѣшній край имѣетъ всѣ данныя, благопріятствующія развитію шелководства. Выводкою шелковыхъ сѣмянъ туземное населеніе занимается въ большихъ размѣрахъ; но, какъ и всякое производство, совершается въ семействахъ. Въ 1867 году наши купцы устроили двѣ фабрики, (одну въ Ташкентѣ, а другую въ Ходжентѣ) для размотки шелка. Недостатокъ рабочихъ, которые на первыхъ порахъ должны были быть выписанными изъ Россіи, служилъ немаловажною помѣхою для успѣшнаго дѣйствія этихъ фабрикъ; но съ приученіемъ туземцевъ къ европейскимъ способамъ размотки шелка, работа пойдетъ успѣшнѣе.

Шерстяное производство составляетъ почти исключительное занятіе кочевниковъ. Независимо отъ несовершенныхъ способовъ выдѣлки

этихъ издѣлій, дурное качество ихъ происходитъ также и отъ свойства шерсти.

Внутренняя торговля здѣсь весьма обширна, но не по количеству капиталовъ, находящихся въ обращеніи, а по числу рынковъ и лицъ, занимающихся торговлею. По большей части тутъ играетъ роль мѣна, при чемъ многіе предметы переходятъ изъ рукъ въ руки, не принося большаго процента. Торгъ происходитъ на базарахъ, которые существуютъ часто даже въ самыхъ маленькихъ деревняхъ.

Для болѣе удобнаго сношенія потребителей съ производителями въ каждомъ населенномъ пунктѣ устраиваются по разу и по два раза въ недѣлю базарные съѣзды. Центромъ крупныхъ сдѣлокъ почитается Ташкентъ, который посылаетъ отъ себя по другимъ базарамъ своихъ комисіонеровъ для закупки нужныхъ предметовъ изъ первыхъ рукъ.

Развитію внутренней торговли кромѣ не устройства путей сообщенія мѣшало то, что богатство сохранялось непроизводительно въ

капиталахъ, которые такимъ образомъ удобнѣе было укрыть отъ хановъ и ихъ бековъ, которые произволомъ и насиліемъ обирали деньги у богатыхъ.

Понадобятся хану деньги: онъ отправляется съ визитомъ къ какому нибудь купцу или чиновнику, у котораго предполагается запасы капиталовъ. Осчастливленный посѣщеніемъ высокаго гостя, хозяинъ обязанъ заплатить ему деньгами. Иногда и просто отдается приказаніе собрать съ купцовъ извѣстную дань. Передъ войною также всякія церемоніи обходятся: лицамъ богатымъ предписывается снарядить на свой счетъ извѣстное число ратниковъ и выставить ихъ въ поле. Понятно, что каждый, сколько нибудь успѣвшій нажить себѣ капиталъ, долженъ скрывать его, притворяться нищимъ и чтобы не навлечь на себя вниманія властей, долженъ избѣгать оптовой торговли, или прибѣгать къ разнымъ хитростямъ. Такъ, отправляя большой караванъ, купецъ условливается съ своими прикащиками и до-

вѣренными въ томъ, чтобы имущество показывалось принадлежащимъ не ему одному, а цѣлой компаніи. При такихъ обстоятельствахъ торговля должна была вовсе пасть, и если она еще поддерживается, то это благодаря хитрому и изворотливому уму осѣдлыхъ жителей, умѣющихъ часто отвести самые ястребиные взоры своихъ властей.

Наибольшее число караванныхъ путей, и притомъ наиболѣе важныхъ, направляется изъ Средней Азіи въ Россію. Средоточіе этихъ путей Бухара. Самый главный и давнишній торговый караванный путь изъ Бухары въ Россію идетъ на Оренбургъ. Длина пути этого считается свыше 1,700 верстъ. Разстояніе отъ Ташкента до Оренбурга равняется 1,900 верстамъ.

Изъ Ташкента караваны ходятъ еще въ Вѣрный и далѣе въ Семипалатинскъ; но большая караванная торговля ведется съ Коканомъ, Самаркандомъ и Бухарою,

Колесныя сообщенія въ Средней Азіи огра-

ничиваются тѣснымъ пространствомъ. Экипажъ у туземца служитъ по преимуществу для сообщенія его роднаго села съ полемъ и огородомъ. Здѣсь существуетъ только одинъ родъ экипажей—это двухколесная телѣга, именуемая *арбою*. Экипажъ этотъ для европейца не совсѣмъ удобный, удивительно приспособленъ для ѣзды по здѣшнимъ дорогамъ. Устройство его весьма просто. На оси, составленной изъ двухъ деревянныхъ кусковъ, связанныхъ по срединѣ, утврждаются два предѣльные бруса, пространство между которыми заполняется плоскимъ основаніемъ, сдѣланнымъ изъ плетня. Продольные брусья продолжаютъ дальше плетневого основанія и составляютъ оглобли. На ось надѣваются два громадные колеса, имѣющія въ діаметрѣ около сажени. Колеса составлены изъ множества спицъ, на которыхъ собственно и упирается экипажъ; составной деревянный ободъ служитъ только для связи этихъ спицъ. Затѣмъ въ арбѣ нѣтъ ни одной желѣзной частицы, ни гвоздя, ни скобы. Исправ-

леніе ея скоро и легко. Запряжка производится въ одну лошадь, причемъ возница садится верхомъ и упирается ногами въ оглобли; этимъ способомъ устраняется подыманіе оглобель вверхъ. Движеніе совершается шагомъ. Высокія колеса и широкій ходъ арбы дѣлаютъ то, что она, во 1-хъ, удобно преодолеваетъ арыки, встрѣчающіеся здѣсь на каждомъ шагу возлѣ населенныхъ пунктовъ; во 2-хъ, не вязнетъ въ грязи, которая въ Средней Азіи весьма обильна въ теченіи всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ; въ 3-хъ, устойчива при переправахъ черезъ быстрыя горныя рѣки, въ которыхъ русскіе экипажи опрокидываются, и наконецъ въ 4-хъ, устойчива при переѣздѣ по косогорамъ, рытвинамъ и выбоинамъ, такъ часто попадающимъ здѣсь.

Арбы употребляются среднеазіатцами только для перевозки тяжестей. Сами же они, какъ мужчины, такъ и женщины, ѣздятъ верхомъ, на лошадяхъ, либо ишакахъ, а кочевники еще на верблюдахъ и даже коровахъ. На лошадь часто

салятся двое. Если туземцу, ѣдущему на базаръ, нужно взять съ собою жену, то онъ сажаетъ ее за сѣдломъ *).

Благодѣтельное вліяніе русскихъ сказалось здѣсь увеличеніемъ благосостоянія, которое разлилось въ массахъ народовъ вновь занятаго нами края, вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ: обезпеченія правъ собственности и наплыва въ край русскихъ капиталовъ. Производительныя силы туземцевъ стали замѣтно развиваться: труду и капиталу ихъ открытъ широкій путь, потому что бояться властей, въ прежнее время зорко наблюдавшихъ за всякимъ мало-мальски обезпеченнымъ человѣкомъ, съ цѣлью ограбить, теперь не приходится. Въ настоящее время, наоборотъ, русскіе даютъ пищу для предпріимчивой дѣятельности личностей. Кромѣ того русскіе купцы нахлынули сюда съ своими товарами и капиталами. Ежегодный оборотъ однихъ ташкентскихъ купцовъ

*) Л. Костенко: Средня Азія.

(русскихъ) простирается до 5 милліоновъ рублей. Понятно, что приливъ такой массы капиталовъ не могъ не повліять на жизнь туземнаго населенія. Запросъ на работу сильно возросъ и продолжаетъ возрастать. Чернорабочій, получавшій при коканскомъ владычествѣ не болѣе 5 коп. въ день, теперь беретъ по 40 коп.; каменщикъ получаетъ по 1 руб., плотникъ и штукатуръ по 1 руб. 25 коп. Запросъ на рабочихъ такъ великъ, что ихъ приглашаютъ даже изъ сосѣднихъ ханствъ.

Туземцы имѣютъ теперь возможность пріобрѣтать вещи, которыя прежде пріобрѣтали какъ бы украдкою: русскіе ситцы, шелкъ, посуда. Туземцы, вслѣдствіе сильно свойственной имъ страсти къ общежительности, привычки проводить время въ гостяхъ и стараться воспользоваться даровымъ угощеніемъ, повадились ходить въ дома къ русскимъ. Осматривая жилища русскихъ, раздѣляя съ ними хлѣбъ — соль, они не могутъ не видѣть превосходства иной обстановки передъ своею, и

потому нисколько не удивительно, если наши новые подданные заводят у себя европейскіе порядки относительно образа жизни; если зданія, выводимыя ими, становятся прочнѣе, свѣтлѣе и просторнѣе, если начинаютъ входить въ употребленіе печи, мебель и столовая посуда.

Въ высшей степени странно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшительно видѣть Сарта, вѣдущимъ на дрожжахъ, либо въ коляскѣ, посѣщающимъ наши балы и собранія, пьющимъ въ русской компаніи вино, шьющимъ себѣ чисто шелковую одежду. Все это утѣшительно въ томъ отношеніи, что за матеріальною стороною слѣдуетъ и умственная: взвѣсивая преимущества европейскаго просвѣщенія, азіатецъ, безъ сомнѣнія, поинтересуется и европейскою наукою, которая собственно и даетъ всякія матеріальныя блага человѣку *)

*) Л. Костенко: Средняя Азія. При составленіи этой книжки мы особенно руководились прекрасною книгою г. Костенко.